

Популова Татьяна

Твои два метра

Реакция на меня была нулевая. Будто меня не было.

NOVA TOTIUS
TERRARUM
ORBIS

TABULA

ex officina G. a Schagen

Amstelredami

12+

Татьяна Павловна Популова

Твои два метра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851463

SelfPub; 2020

Аннотация

У каждого человека есть цель, по достижению которой должна наступить идиллия и равновесие в собственном мире. А что если там, на вершине, стоит смерть и ждёт твоего подъёма? Сдаться и остаться на дне? Или же, несмотря ни на что, взять себя в руки и показать всем на что ты способен? Что выберет главная героиня?

Эта была короткая история любви. Самая короткая и странная любовь в моей жизни. Может быть, короткая лишь по той причине, что и жизнь моя была коротка, всего лишь восемнадцать процентов от века.

Я воспитывалась под постоянным давлением со стороны родителей, в детстве мне приходилось редко слышать слова любви. Мне пришлось пережить ноль внимания, ноль ласки и ровно ноль нежности в детстве. Это сказалось на моём подростковом возрасте. Все говорили, что у меня гордый и эгоистичный взгляд. Ко мне боялись подойти одноклассники, знакомые, даже те люди, которым я когда-то как-то помогла. Все считали меня злым и холодным человеком. «Бесчувственная», – слышала пару раз за своей спиной, но лишь тяжело вздыхала. Да, бесчувственная. Но разве не на каждое безразличие есть причина?

Мне не нравилось, когда меня жалеют врачи и медсёстры, когда я стояла в очереди больницы. Неужели это некоторым людям помогает? Хоть кому-нибудь помог этот страдающий взгляд? Меня только передёргивало. Мои проблемы – это настолько ничтожный повод сочувствия, что я не видела смысла в этом.

–Как твоё самочувствие? – спрашивал мой лечащий врач. Закатывала глаза и всегда грубо отвечала:

–Жива. В порядке.

–Курс таблеток пьёшь?

Доставала из кармана заполненный лист бумаги, где по ча-

сам расписан приём лекарств.

–Анализы сдала в приёмную?

Всегда кивала головой, а потом следовала одно и то же каждый раз:

–Ты молодец. Остаёшься собой всё это время. Я горжусь тобой.

Лучше бы мама с папой гордились мной.

Выходила из кабинета врача. Там всегда сидел парень, который кивал мне головой. Он смешил меня.

Дома меня никто не ждал. В почтовом ящике находила посылку. Заходила в комнату. Медленно и каждый раз ожидающе вскрывала её. А вдруг там пусто? Вдруг уже всё хорошо? Но я понимала каждый раз, что неизлечимая болезнь – неизлечима. Как бы больно для понимания это не было, но за столь большой период своей жизни, я уже привыкла. Из открытой посылки начинали сыпаться разноцветные таблетки и баночки. Иногда они так и оставались на полу, потому что от бессилия я падала на кровать и засыпала. А утром особо некогда убираться, потому что папа не желал слышать моих оправданий, по какой причине на этот раз я опоздала на минуту или две на завтрак.

В школе никто не знал о моём самочувствие, иначе бы я была для них никем. Мама позаботилось о моём благоприятном обучении в школе, заплатив огромную сумму. Подкупны все, даже если они об этом не говорят, то подкупны. Я за все эти года, пока была живой, всегда была авторитетом в

классе. Многие прислушивались к моему мнению, но также я замечала, как одноклассники при виде меня переставали смеяться и делали вид, что чем-то заняты.

Уважали?

Не так сильно, как моего одноклассника Артёма Шнайдер. Он будто был из моей вселенной, постоянно был со всеми груб, ставил всех на место, следил за порядком. И все. Абсолютно все в школе обходили его на три метра и больше. Личное пространство. Его передёргивало, когда к нему прикасались или называли просто по имени.

Артём Шнайдер – человек с высокой самооценкой, некоторые говорят, что его эгоизм – это уже диагноз. «Два метра», – всегда говорил он, когда кто-то подходит ближе, а потом добавлял: «У меня нет времени, чтобы тратить его на бессмысленный диалог». Но ко всему этому он был очень умный. Шнайдер мог без проблем решить самую сложную задачи и не только в школьном плане, но и в жизненном. В его голове срабатывала всё по щелчку: быстро и верно. У этого парня очень много связей. Возможно, это связано с его семьёй. Возможно, его родители какие-то важные персоны. Никто не знал. Об этом Шнайдер молчал.

А ещё Шнайдер ненавидел меня. Я пыталась переплюнуть его во всём, но всё оказывалось безуспешным. Пыталась вставить лишнее слово, чтобы как-то задеть его, но парень всегда был выше, отвечая своим безразличным голосом. От его взгляда становилось холодно. А когда коллектив прислу-

шивался больше к моему мнению, то мне приходилось прятаться в этот момент под парту, так как в этот момент в меня могло полететь что угодно. Артём либо не контролировал себя, либо хотел контролировать максимально всё. Никто не видел в его глазах сожаления, сочувствия, только если в сторону нас смертных, что мы такие ничтожества по сравнению с ним. И после этого все ставали на его сторону. Но, по-моему, была бы их воля, они бы избавились от нас двоих.

Шнайдер всегда унижал меня. Казалось, что это было его хобби. Он унижал, конечно, всех, но для меня оставлял самую унижительную речь. Иногда в ход шли кулаки. В эти моменты я пыталась избегать появления крови на моём теле. Мало ли. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из моих одноклассников заразился.

Очень часто приходила домой и закрывала свою комнату на ключ. Мама приходила в бешенство, а я была в истерике от давления Артёма. Он будто раздавливал меня каждый день. Пыталась показать ему, что сильнее я. Но каждый раз проигрывала в этой борьбе. Каждый раз. Я проигрывала дома, в школе, в жизни. Проигрывала болезни, судьбе. Проигрывала всему, что меня окружало. Как можно выиграть то, что сильнее? Мне казалось, что я песчинка среди могущественных созданий, которые хотят избавиться от меня, чтобы их мир стал идеальным. Разве могут среди величественных быть такие жалкие, как я? Обычная пыль, которую рано или поздно они уберут. Но мой характер, видимо это на

генном уровне, не мог позволить мне сдаться. Ночью я кричала в подушку: «Нет, я буду первой, рано или поздно, но буду». Как жаль, что в моей жизни это поздно не наступило. Я и тогда понимала это. И мне становилось смешно. Каждую ночь я лежала в дикой истерике. Уже хотелось умереть, чтобы больше никогда ничего не чувствовать. Но я не могла умирать, зная, что не первая.

И вот должны были начаться выборы президента школы. Подала свою кандидатуру, но взгляд парня дал мне понять абсолютно всё. Он преследовал меня абсолютно повсюду. Мне казалось, что за углом Артём Шнайдер меня может избить или даже убить. Но я не могла сдаться. Что-то внутри толкало меня вперёд. На каждый взгляд парня реагировала так, будто ничего не понимаю.

– Думаешь, это твоё? – усмехнулся парень.

– Если не я, то кто? – спросила довольно спокойно, делая вид, что со мной разговаривает обычный человек. Хотя знала, что Шнайдер не приветствует такого тона.

– Воу, не прыгай выше своей головы. Хотя...

Я подняла свой взгляд. Он был высоко роста, обычного телосложения. Многие примечали на физкультуре, что у него неплохой пресс. Но из-за футболки никто так и не смог оценить точно. Я на фоне этого парня казалась худенькой, маленькой девочкой. Шнайдер был бы не Шнайдер, если бы не вставил шутку про мой рост.

– Хотя можешь прыгать, тебе это всё равно мало поможет.

Я никак не отреагировала. Только развернулась, чтобы положить в рюкзак тетрадь для сочинений.

–Зачем тебе бессмысленная борьба?

Промолчала. Вместо того, чтобы ответить парню я достала влажную салфетку из рюкзака и начала протирать кроссовки.

–Эй, ты, – крикнул Артём.

–А ты ещё здесь, – проговорила я, позевая, – прости мне некогда. Надо готовиться к выборам.

Когда начала проходить мимо Артёма, то в спину мне что-то прилетело. Даже было неинтересно что. Ещё одного такого диалога я не выдержала бы. Продолжение было бы печальным. Наверное, мои слёзы бы отошли от вековой хладнокровности и дали о себе знать. Но я до такой степени уже не помню, каково это плакать, что мало представляю такую ситуацию.

Моих нервов не всегда хватало отвечать парню. И я, придив домой, закрывала свою комнату на замок, чтобы посидеть в одиночестве в кругу сектантского круга из таблеток. Они это всё, что помогает мне жить. В эти минуты я начинала медленно перебирать их своими пальцами, читать состав, раскладывать по коробочкам, ставить на полочку. Но на следующий день, когда нервы сдавали, эти коробочки летели на пол.

Один из таких дней, вернувшись домой, снова закрылась в комнате. И вот я уже повторяя про себя, будто стих, состав

таблеток, в дверь кто-то постучался. Это была мама. Мама попросила войти. Не открыть дверь маме? Человеку, которого я боюсь до мурашек? А если завтра не проснусь? А если завтра проснусь в детском доме? Последняя мысль меня на мгновение остановила, ведь дальше пошла другая: «А может это к лучшему?». Но моя совесть стукнула меня по колену, и оно невольно выгнулось.

Она вошла своей гордой походкой, моя голова невольно опустилась, а ноги подкосились. Стало жутко от этого взгляда. Пожалуйста, можно не надо? Мне хватает унижений в школе, мне хватает безразличия. Ты же мама. Почему же настолько хладнокровна к своей дочери?

—Я тут слышала, что ты подала свою кандидатуру на президента школы. Ну, что ж. Не позор семью, поражение даже не принимается.

Даже не посмотрела на меня и вышла. Меня затрясло изнутри. Что я могу сделать? Как сказать человеку, который не знает слово поражение, о том, что это невозможно. Невозможно выиграть. Все мои усилия будут бессмысленны. Я проходила это уже и не раз.

Лежала на полу, глядя в потолок. Думала о том, что возможно все шаги к вершине уже бесполезны. И что мне суждено умереть на дне. Если бы мои пальцы каждый раз не спихивали, когда они зацеплялись о край вершины, то возможно было бы всё по-другому. А может это к лучшему? Ведь мне как никому было известно, что там наверху меня ждала

только одна бессердечная чудачка, которая не оставила мне выбора в жизни. Смерть. Я чувствовала её взгляд снизу. Она ждала, когда я уже поднимусь к ней. То чувство, когда успех будет поражением. Но нельзя, моё воспитание не позволило мне сидеть сложа руки, поэтому я всю ночь писала речь. Делала всё возможное, чтобы победа хоть чуть-чуть могла оказаться в моих руках. Не заметила, как время приблизилось уже к подъёму. А я даже не ложилась. Отец, увидев меня в таком состоянии, лишь покачал головой, а потом заставил идти в школу.

—Я слышал, что ты подала свою кандидатуру на президента школы, — начал со мной диалог отец. Хотя нет, это были всегда монологи. В семье моё мнение и слово ничего не значило. Как и я сама.

—Ну, что ж, раз подала, то выигрывай. Ты сможешь.

Мне даже перехотелось спать в этот момент. Отец сказал мне, что я смогу? Не унизил, не прочитал нотацию, а просто по-отцовски сказал, что смогу.

Улыбнулась.

Не улыбалась так давно, что даже не получилось. Но так приятно на сердце мне не было никогда.

Я смогу.

Подошла к двери класса. Услышала, как кто-то кричит моё имя, ставя его на одно место с матом. Сжала кулаки. Снова повторилось. Резко открыла дверь класса. Это был Коля Пивани. Тихий и милый мальчик. Таким его знаю я.

Всегда улыбался мне странно и открывал дверь в столовую. Наверное, в душе относилась к нему лучше всех. Но сейчас он сидел на моей парте с ногами и выкрикивал в мой адрес маты. Встала в ступор. Что мне делать? Это так непривычно, когда тебя унижает другой человек, который до этого так не делал. Стояла в дверях класса и наблюдала за этим. Он встал с парты и громко сказал:

–Что она сделает мне? А те, кто заступятся за неё? Я свободный человек. Что хочу, то и говорю.

В глазах потемнело. Уши заложило. Мне стало в этот момент так плохо, и поняла, что не каждый из нас свободен. Я была в оковах болезни, каждое моё движение контролировалось чем-то извне. Пока я пыталась прийти в себя, закрывая глаза и глубоко вдыхая, в классе наступила тишина. Поняла, что меня увидели. Открыла резко глаза, было туманно, но я вполне могла отличить фигуры людей.

–Чего ты смотришь? – спросил он.

Тяжело вздохнула и сделала аккуратно шаг вперёд. Пыталась не выдать своё самочувствие.

–Я? Как ты думаешь, насколько твоё поведение нормально по отношению ко мне в настоящий момент? – спросила я повышенным тоном, но я совершенно не слышала себя.

–А твоё по отношению к нам? – он говорил спокойным голосом.

–У тебя ко мне есть какие-то претензии? Говори, – я подошла к этому парню, чтобы разглядеть эти лицемерные глаза.

–Ты думаешь, что лучшая?

Я почувствовала боль на своей щеке. Коля ударил меня. Туман ушёл. Коля смотрел на меня так, будто я его предала. А потом в его глазах прочитался страх. Я усмехнулась, хотя мне было совсем не до смеха. Так унижать меня мог только Артём. Почувствовала адскую боль в голове. Не могла ничего придумать, чтобы как-то отреагировать на это действие. Я ведь думала, этот человек, которому могу доверять на духовном уровне. Мне стало так больно от этого поступка. Это был нож в спину. Мне сразу вспомнилось, как Коля Пивани поддерживал меня во всём, как помогал донести тяжёлые книги. Вспомнила, как он как-то возразил Артёму Шнайдер по поводу меня. Вспомнила его искреннюю улыбку в сторону меня. И всё это разрушилось о поступок. Мне хотелось расплакаться от предательства, но меня отвлёк свист у двери. Там стоял Шнайдер.

Он медленно прошёл до меня, посмотрев с высока. Наверное, до этого никто настолько близко не находился со Шнайдер. Его глаза смотрели мне прямо в душу. У него настолько глубокий и проникновенный взгляд, что казалось, будто он видит тебя изнутри. Только через пару секунд я поняла, что Шнайдер стоит в полуметре от меня. Насолько близко – даже для меня дико. Я немного отшатнулась назад, а он нахмурил брови. Артём немного наклонил голову ко мне, разглядывая щеку. Забыла, как дышать. Моргать. Говорить. Забыла всё. А гробовая тишина только всё угнетала.

Артём Шнайдер положил свою руку на мою щёку и шёпотом спросил:

– Больно?

– Не твоё дело, – резко ответила и отвернула свою голову. Что за внезапное проявление нежности? Подумал, что так смогу уступить ему место в первенстве? Ну, уж нет. Была уверена, что это один из способов столкнуть меня. Мы будто играли в царя горы. Каждый шёл на то, что только мог. Но применять нежность в борьбе – это слишком.

– Поговорим? – теперь я слышала за своей спиной уже не тот милый шёпот, а грубый голос, предвещающий беду. Он, что заступился за меня? К чему это?

Что это было? Ему стало не по себе от того, что его жертву унижает кто-то другой? Так что он ещё и собственник?

Но мои одноклассники думали иначе. На уроках я буквально чувствовала просверливающие взгляды. Мне самой было стыдно за этот поступок. Теперь все будут думать, что я слабая. Что не смогла ответить какому-то там парню. Что за меня заступились. Теперь я потеряю авторитет окончательно.

Но как бы я не могла заполнить свои мысли, мне было интересно, о чём Шнайдер разговаривал с Колей.

Обо мне?

Эту мысль сразу свернула и выкинула в урну. Его Величество никогда не будет разговаривать о таких смертных, как я. После уроков Шнайдер остался в классе и попросил остаться

меня тоже. Когда все ушли, он проговорил:

–Как твои успехи?

–Ближе к делу, – процедила я. Понимала, что если сейчас опоздаю домой, то отложиться приём таблеток, ужин. Это всё отложиться, а моя жизнь нет.

–Никакой благодарности, – парень закатил глаза и резко подошёл ко мне ближе, но оставил между нами два метра.

–Чего ты хочешь? – спокойным голосом спросил Шнайдер.

–Быть лучше тебя, – мне оставалось говорить правду, чтобы поскорей закончить диалог.

–Тебе мало того, что ты лучше остальных?

Времени не было. Мои глаза бегали из угла в угол. Голова начинала раскалываться от напряжения. Почему-то решила, что сейчас умру. И стало так пусто. Пусто от того, что я никто. Даже Шнайдер сейчас, когда разговаривал со мной, говорил так, будто меня нет. Пыталась сосредоточиться хотя бы на одном его слове, но боль в висках давала о себе знать. Быстро достала из сумки таблетки. Потом оглядела класс, в углу нашла кран. Уже не помню, как оказалась у крана. Как пыталась ладонями собрать воду, чтобы запить таблетку. Меня окутала паника. Тело начинало дрожать. Когда поняла, что ладонями я соберу только капли, то пришлось подставлять голову под струю воды.

–Ты в порядке? – Шнайдер подошёл ко мне, пытаюсь оглядеть. Через силу, проглотив горькую таблетку, я толкнула его

и пошла домой. Глупый вопрос. По дороге стало легче. Но у дома я резко почувствовала себя хуже. Заболел живот. Возможно, я хотела сильно есть. Но меня ждало разочарование. Мои родители давно поужинали. В семье было такое правило: «Опоздал на еду – не ешь». Но отец сидел ещё на кухне. Мне не хотелось, чтобы он меня видел, что я опоздала, что в таком состоянии. Но увы.

–Какие оценки получила? – спросил отец, заметив, как я пытаюсь тихо пройти в комнату.

Когда я повернулась к нему лицом, чтобы ответить. Уже сконцентрировалась и собралась с мыслями, то папа сказал:

–Понятно.

Привыкла, что они делают вид, будто я им отвечаю. Привыкла делать вид, что привыкла.

Завтра я должна была показать свою речь директору, чтобы меня допустили до выборов. Но сейчас я почему-то смотрела в стенку и вспоминала веснушки Шнайдер.

Почему парень с такими милыми веснушками, такой холодный?

Вытянула руку вперёд и представила его. Будто дотянулась. Будто дотронулась до веснушек. Может они не такие холодные? Может они горячие? Но мои мечтания прервал кашель. Боль чувствовалась по всему телу, начиная с горла и заканчивая коленями. Я еле как дотянулась до зелёной баночки с большими круглыми таблетками, достала одну и проглотила. Нельзя тратить своё время на глупые мыс-

ли, нужно собраться и начать редактировать речь. Иначе ещё один провал.

Ручка выпадала из рук, буквы на бумаге были корявыми. Но я не сдавалась. Я сильнее, чем моя болезнь. Я сильнее, чем кто-либо. Я способна на большее. Не заметила, как уснула за рабочим столом. Проснулась, когда за окном появились первые лучи солнца. Быстро собралась в школу, выпила таблетки и спустилась вниз. На часах было только шесть. Дома была тишина. Я смотрела в зеркало, которое висело в прихожей напротив маленького диванчика. Во мне не было ничего примечательного. Обычные черты лица. Обычный размер глаз, обычный нос, даже взгляд у меня обычный. Почему все говорят, что мои черты лица такие же резкие, как и я? Обычная. Совершенная обычная. У меня даже волосы были обычной средней длины и обычного русого цвета. Наверное, единственное, что выделялось на моём лице это шрам на виске. Упала в детстве с качели на бетонный поручень. Все думали, что я умру. Но судьбой мне суждено умереть от другого.

И вот на часах пробило семь. А потом полседьмого. Позавтракав, пошла в школу. Новый школьный день. Снова стояла у дверей класса прежде, чем войти. Хотелось на этот раз без сюрпризов. Но была тишина. Значит Артём уже в классе. В классе всегда тишина, когда там Артём. Все боялись сказать лишнее слово, ведь этому парню могло не понравиться что угодно. В прошлый раз ему не понравилось,

что Анжелика, наша одноклассница, попросила свою подружку сходить с ней в туалет. Больше никто ни о чём не просит у других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.